

На обложке:
Р. Р. Бах. Бюст
императора
Александра III.
1898 г.

Александр III.
Царь-Миротворец.
Специальный выпуск

Подписаться
на журнал «Родина»
можно
по каталогам:
«Распечати»
(индекс 73325),
«Почта России»
(индекс 63436),
Объединённому
(индексы 40687, 16398)

Адрес редакции:
127025, Москва,
ул. Новый Арбат, 19.
Тел. (495) 697 73 98,
факс (495) 697 75 98.
E-mail: istrodina@mail.ru

Адрес издателя: 125993,
Москва, ул. Правды, 24,
стр. 4.
Тел. (499) 257 53 62

©ФГБУ «Редакция
«Российской газеты».
Все права защищены.

Рукописи не возвращаются.

Зарегистрировано
Министерством печати и
информации Российской
Федерации.
Свидетельство № 291
от 24 августа 1994 г.

ISSN 0235-7089

Тираж 8 100 экз.

Отпечатано
ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
Заказ № 0754
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел.: (495) 745 84 28,
(49638) 20 685
www.oaompk.ru, www.oaompk.spb

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей МИРОНЕНКО <i>Эпоха прагматического самодержавия</i>	2	Брэдли Д. ВУДВОРТ <i>Рождение многонациональной бюрократии</i>	81
Юрий ПЕТРОВ <i>Время государственной твёрдости</i>	5	ОТБЛЕСК ПРОЩАЛЬНОГО КОСТРА	
ТЕОРЕМА ДЛЯ НАСЛЕДНИКА			
Фёдор МЕЛЕНТЬЕВ <i>Саша и Никса летом 1863 года</i>	8	Юрий ВАРФОЛОМЕЕВ <i>Выйти из кровавого тумана</i>	84
<i>«Ужасный день смерти брата... останется для меня лучшим днём моей жизни»</i>	11	Андрей СОРОКИН, Евгений ГРИГОРЬЕВ <i>Как водворить в России новую эру</i>	87
Василий АСТАНКОВ <i>«Я положительно разочарован насчёт Милютина и Баранцова...»</i>	13	Надежда КИЦЕНКО <i>Исповедь в эпоху Александра III</i>	91
Всеволод ВОРОНИН <i>Несостоявшийся тандем</i>	18	Александр КОТОВ <i>Катковское направление</i>	94
Василий АСТАНКОВ <i>«Покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба...»</i>	21	Ольга ФЕТИСЕНКО <i>Два «первых марта»</i>	97
Пётр ЧЕРКАСОВ <i>«Внезапно умер господин Достоевский...»</i>	25	Фёдор ГАЙДА <i>«Если бы только учителя нам больше говорили о России...»</i>	100
БРЕМЯ САМОДЕРЖЦА			
Андрей МАМОНОВ <i>«Но почему 29 апреля?»</i>	27	Игорь ХРИСТОФОРОВ <i>«В высшей степени душевная ошибка»</i>	103
Александр ПОЛУНОВ <i>Славянофильское министерство</i>	31	Фируза ТОКОНЬЯЗОВА <i>Как Ольга Новикова вопреки царской воле с голодом боролась</i>	106
Андрей МИНАКОВ <i>«Первый блюститель пользы государства...»</i>	35	Модест КОЛЕРОВ <i>От Фихте и Витте к Сталину</i>	108
Валерий СТЕПАНОВ <i>Кандидат «национальной» партии</i>	38	Александр ШИШКОВ <i>Со своей колокольни</i>	111
Ксения САК <i>Указ о Сидоровых козах</i>	41	Мюррей ФРЕЙМ <i>Наступление частной сцены</i>	113
ИМПЕРИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?			
Борис МИРОНОВ <i>Народ и армия едины?!</i>	45	Светлана СОЛОВЬЁВА <i>Идеология как искусство</i>	116
Станислав ЮДИН <i>Осень академики</i>	49	Татьяна ЮДЕНКОВА <i>Сближение эстетических запросов</i>	120
Игорь ЛУКОЯНОВ <i>Официальная дипломатия или «неформальные влияния»?</i>	51	Павел КЛИМОВ <i>Любитель, цензор, меценат</i>	124
Олег АЙРАПЕТОВ <i>До и после Кушки</i>	55	Алина ЕФИМОВА <i>Во всех оттенках и приспособлениях</i>	128
Дэвид СХИММЕЛЬПЕННИК ван дер ОЙЕ <i>Царь-Миротворец: поворот к Востоку</i>	58	Елена ЗИМЕНКО <i>Тяжёлое бремя царской власти</i>	132
Виктор КОСИК <i>В Софии всё неспокойно</i>	61	Евгений РОСТОВЦЕВ, Дмитрий СОСНИЦКИЙ <i>«А напиался в одиночку...»</i>	136
Андрей ШЕМЯКИН <i>«Что за подлец и мерзавец этот Милан»</i>	65	Алла КОРОБОВА, Надежда ФОМИНА <i>Царь-Миротворец</i>	139
Теодор Р. УИКС <i>Затишье между бурями</i>	69	А ТАКЖЕ	
Хэзер КОЛМАН <i>По сценарию властей?</i>	72	Дарья СЕРЁЖНИКОВА <i>Бездельцы заморские</i>	147
Юрий БОРИСЁНОК <i>В те годы дальние, глухие?</i>	75	Арина ЛАЗАРЕВА <i>«И где ныне цесарь?»</i>	149
Ирина ПЯРТ <i>Прерванный эксперимент?</i>	78	Андрей ГОЛИКОВ <i>Стандарт двойной силы</i>	151
		Семён ЭКШТУТ <i>Комедия о вишнёвом саде</i>	155
		Лев АННИНСКИЙ <i>Спящая тьма Светланы Алексиевич</i>	159
		Владимир ИВАНОВ <i>Дубровицкая знаменательность</i>	160

Учредители:
Правительство Российской Федерации
Администрация Президента
Российской Федерации

Журнал основан в 1879 году

Издатель ФГБУ «Редакция «Российской газеты»

Генеральный директор ФГБУ
«Редакция «Российской газеты»
П. А. Негоица

Главный редактор
В. А. Фронин

Заместитель главного редактора,
шеф-редактор журнала «Родина»
И. А. Коц

Редакционный совет:

Г. В. Вилинбахов, председатель Геральдического
совета при Президенте РФ, зам. директора
Государственного Эрмитажа

С. В. Девятов, советник директора ФСО РФ
А. Н. Кирпичников, доктор исторических наук

А. А. Коваленя, академик-секретарь отделения
гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси
М. А. Колеров, кандидат исторических наук

А. С. Кулешов, зам. начальника управления
Главного управления специальных программ
Президента РФ

А. К. Левыкин, директор Государственного
Исторического музея

Н. А. Макаров, академик РАН,
директор Института археологии РАН

Г. Ф. Матвеев, профессор исторического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

С. В. Мироненко, директор Государственного
архива РФ

К. В. Никифоров, директор Института
славяноведения РАН

В. А. Никонов, доктор исторических наук
А. Е. Петров, ответственный секретарь
Российского исторического общества

Ю. А. Петров, директор Института российской
истории РАН

Е. И. Пивовар, член-корреспондент РАН,
ректор РГГУ

О. А. Рафальский, научный руководитель
Института политических и этнонациональных
исследований НАН Украины им. И. Ф. Кураса

Л. П. Решетников, директор Российского
института стратегических исследований

И. И. Сирош, член Президиума Совета
Российского исторического общества

П. В. Стегний, Чрезвычайный и Полномочный
Посол РФ

Д. О. Швидковский, ректор МАРХИ,
вице-президент Российской академии художеств

С. Е. Щелыгин, член Совета Федерации
Федерального собрания РФ

А. О. Чубарьян, академик РАН,
директор Института всеобщей истории РАН
В. Л. Янин, академик РАН

В. В. Остроухов, координатор
Попечительского совета

тел.: (495) 697 94 47; факс: (495) 697 88 67
e-mail: ostrouhov43@mail.ru

Наш сайт в Интернете:
rodina.rg.ru

ОТРАЖЕНИЯ

Игорь ХРИСТОФОРОВ,

доктор исторических наук, главный редактор журнала «Российская история», ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ

«В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ДУШЕВНАЯ ОШИБКА»

Русская элита в поисках патриархальных крестьян¹

В 1911 году, в разгар столыпинской аграрной реформы, диктуя стенографистам свои воспоминания, бывший министр финансов, председатель Комитета и Совета министров граф Витте постоянно обращался к царствованию Александра III. Спокойный и величественный образ этого монарха, при котором Витте стремительно вознёсся к вершинам власти, настойчиво противопоставлялся смутной и противоречивой фигуре Николая II, положившего карьеру Сергея Юльевича конец. Мемуарист признавал ошибки «своего царя», но так, чтобы они лишь оттеняли его достоинства.

В числе последних фигурировали патриархальная простота и искренность, которые, по Витте, и делали Александра III «народным царём». Поистине эпического накала эта риторическая линия предсказуемо достигала тогда, когда Витте описывал отношение монарха к «простому народу», то есть к крестьянам. «Императору Александру III ставится в укор... введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами, как бы в предположении, что крестьяне навеки должны оставаться таких стадных понятий и стадной нравственности, — писал он. — Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями... Это была ошибка императора Александра III, но ошибка в высшей степени душевная... Это был тип действительно самодержавного... русского царя, а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе, печальнике русского народа... защитнике слабых, ибо престиж русского царя... связан с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нас... русских дворян, и в особенности русских буржуа...»²

В другом, чаще цитируемом месте воспоминаний, говоря о политике власти в деревне, Витте акцентирует иное: «Министерство внутренних дел, в особенности со времён [Д. А.] Толстого й ранее этого, было большим поклонником общины. К сожалению, это поклонение общине исходило не столько из аграрных соображений, сколько из

соображений полицейских, так как несомненно, что самый удобный способ управления домашними животными есть управление их стадами... Община в их понятии представлялась чем-то вроде стада, хотя не животных, а людей, но людей особого рода, не таких, какие «мы», а в особенности дворяне». Сам же Витте, который вплоть до 1896–1898 годов был скорее сторонником, чем противником «полицейского» аграрного курса, по его собственному признанию, тогда «ещё не вполне изучил крестьянский вопрос»³.

Как видим, мотивы правительственной политики в деревне в изображении Витте предстают более сложными, чем у большинства историков, в разное время занимавшихся периодом «реакции». Для советской историографии аксиоматичным было представление о «феодально-крепостническом», реставраторском характере этой политики. Подразумевалось, что власть защищала интересы тех помещиков, которые были заинтересованы в прежних, «внеэкономических» методах эксплуатации крестьян. Якобы с этой целью консервировалась община, а власть в деревне была передана в руки земских начальников — бывших или настоящих помещиков. Однако убедительной эта интерпретация не выглядит. Каких-то единых экономических интересов у помещиков не было и при крепостном праве: слишком разными были условия и методы их хозяйствования. А после 1861 года владельцы поместий оказались такими же заложниками нового, «переходного», строя, что и их бывшие крепостные. Да, по сравнению с крестьянами они располагали гораздо большими материальными и статусными ресурсами и, соответственно, большей свободой действий. Но эта свобода очень серьёзно ограничивалась теми самыми «пережитками» крепостного права, которые якобы работали исключительно на них.

Неразмежёванность земель, прикрепление крестьян к общине и тяглу, слабость (если не отсутствие) в деревне правовых институтов, которые регулировали бы собственность, аренду и найм рабочей силы — всё это препятствовало инвестициям в сельское хозяйство, затрудняло его модернизацию и резко сни-

жало норму прибыли. Неудивительно, что на протяжении всего пореформенного периода наблюдался отток частных капиталов из сферы сельскохозяйственного производства. Государство тоже не спешило инвестировать ни в поддержку аграрного производства, ни в обеспечение в деревне верховенства права. И в либеральную эпоху фритредерства 1860–1870-х, и в период протекционизма 1880–1890-х годов оно неизменно находило для себя иные приоритеты. Даже Крестьянский (1882) и Дворянский (1885) банки, вроде бы созданные в помощь аграриям, для помещиков быстро превратились лишь в посредника при выгодном конвертировании земли в деньги — да и в крестьянские хозяйства принесли не столько инвестиции, сколько долги.

Каким же образом этим структурным проблемам могли помочь законы об ограничении семейных разделов (1886), о регламентации внутриобщинных переделов земли и о неотчуждаемости наделных крестьянских земель (1893)? Чем именно они были «выгодны помещикам»? Что «реставрировало» знаменитое «Положение о земских начальниках» 1889 года? Ведь смысл крепостного права заключался для помещиков вовсе не в вотчинной власти над крестьянами как таковой, а в том, чтобы использовать эту власть для извлечения доходов с помощью той или иной организации производства. Земские же начальники к организации сельскохозяйственного производства отношения имели не больше, чем любая другая местная полицейская власть — то есть почти никакого. Современные исследования того, как «работал» этот институт, целиком подтверждают этот вывод⁴.

Но что же лежало в основе действий правительства? Сугубо прагматическое желание скорректировать итоги реформ, учесть накопленный опыт и подтолкнуть экономическое развитие деревни, как считают некоторые современные историки? Такой вывод вроде бы выглядит более логичным, однако и он не подтверждается фактами.

Изучение материалов подготовки упомянутых выше «реакционных» законов показывает: к середине 1880-х в

правлящих кругах сложился консенсус по поводу необходимости затормозить процесс распада традиционных социальных норм и форм контроля в крестьянском обществе, законсервировать их, «подморозить» крестьянство как опору режима⁵. Можно ли считать это стремление реалистичным и прагматичным? Аграрные волнения 1905–1906 годов и радикальные требования «крестьянских» депутатов I и II Государственных дум дали на этот вопрос недвусмысленный ответ. Подавляющее большинство современников первой русской революции — включая правых помещиков — квалифицировало правительственный курс предыдущих 25 лет как крупную ошибку⁶. Правда, большинство наблюдателей сводили его к поддержке крестьянской общины — которая после 1905 года из «векового устоя» внезапно превратилась в олицетворение «стадных понятий».

Между тем смысл правительственного курса 1880–1890-х годов в деревне был гораздо глубже. «Крестьянский вопрос» множеством нитей был связан с фискальным, бюджетным, промышленным курсом, с политикой на окраинах империи, с проблемами административных реформ и политического представительства. Восприятие мифологизированного крестьянства как ядра русской нации стало характерной особенностью формирующегося русского национализма.

В сущности, этот курс основывался на старой, известной в России, по крайней мере, с 1830-х годов идее об опасности превращения крестьян в «бесприютных» пролетариев. В царствование Николая I ею руководствовались и консервативный министр финансов Е. Ф. Канкрин, и прогрессивный министр государственных имуществ П. Д. Киселёв. Позже именно она легла в основу «Положений 19 февраля 1861 года». Конечно, пока существовало крепостное право, пролетаризация масс как главный социальный недуг тогдашней Европы резонно считалась для России угрозой скорее потенциальной, чем реальной. При этом в среде элиты было немало и тех, кто полагал, что появление слоя «безземельных работников» означает для экономики скорее благо и что угрожающие социальные последствия этого процесса сильно преувеличены.

Отмена крепостного права не разрешила, а лишь на время отложила сомнения и споры. Более того, во многом как раз из-за них крестьянская реформа 1861 года оказалась очень неопределённой в том, что касалось будущего освобождённых крестьян. Реформато-

ры предпочли обойти болезненные вопросы о том, когда и как бывшие крепостные и казённые крестьяне получат право распоряжаться своей судьбой и собственностью, какими нормами это право будет регулироваться и какие административные инстанции будут следить за исполнением этих норм. Может показаться странным, но ни в тысячах статей и параграфов «Положений», ни в объяснительных записках к ним об этих ключевых вопросах почти ничего не говорилось.

Более того, на всём протяжении 1860–1870-х годов правительство так и не смогло сформулировать внятной программы действий по отношению к крестьянам. В «верхах» в это время шла упорная борьба сторонников противоположных идей. Многие консерваторы (например, министр внутренних дел П. А. Валуев и шеф жандармов П. А. Шувалов) и некоторые либералы (министр финансов М. Х. Рейтерн) выступали против патерналистской опеки и общины. Большинство же либералов (во главе с председателем Главного комитета об устройстве сельского состояния великим князем Константином Николаевичем) скорее колебалось между желанием дать крестьянам больше свободы и опасениями, что те не смогут распорядиться свободой во благо.

В результате никаких серьёзных решений по «крестьянскому вопросу» в первые 15 лет после отмены крепостного права в «верхах» не только не принималось, но даже и не обсуждалось. Лояльные чиновники, конечно, просто не могли настаивать, что Великая реформа — которую Александр II считал самым славным своим деянием — была не монументальным творением, а скорее первым шагом в неизвестное. В общественной среде единства тоже не было. Одни (славянофилы, латентные и открытые социалисты, неопределённые либералы-народолюбцы) считали, что правительство оберегает «уникальный строй крестьянской жизни» недостаточно последовательно — и тут же призывали избавить крестьян от излишней бюрократической опеки. Другие (назовём их «классическими либералами», хотя в их числе было много тех, кого тогдашнее общественное мнение либералами вовсе не считало) настаивали, что, отказываясь развивать в крестьянской среде институт частной собственности, правительство создаёт угрозу и экономическому развитию, и социальной стабильности. И те, и другие были в чём-то правы: правительство действительно и «не оберегало», и «не развивало».

В сущности, уже в 1860-е годы были сформулированы и обстоятельно аргументированы все возможные доводы «за» и «против» того или иного пути развития российской деревни. В дальнейшем ни «реакционеры» 1880–1890-х годов, ни многочисленные народники и неонародники, ни Витте со Столыпиным ничего принципиально нового к этим спорам не добавили. Понятно, почему со времени первой русской революции возобладали точка зрения противников общины. Но почему за четверть века до 1905 года случилось обратное? Почему что-то похожее на столыпинскую реформу не появилось хотя бы в середине 1890-х годов? Как вышло, что, сделав, наконец, в 1880-е выбор, правительство пошло в прямо противоположном направлении? Хрестоматийная идея о двадцати годах, которых «не хватило» Столыпину, делает эти вопросы заслуживающими самого пристального внимания.

Вернёмся к двум объяснениям Витте, которые не противоречат друг другу.

Понятия царя о крестьянах и о том, как они должны управляться, целиком вписывались в картину патриархального «порядка». Именно поэтому образ земского начальника — строгого, но справедливого опекуна крестьян — легко нашел отклик в душе императора, который поддержал закон 1889 года вопреки мнению большинства членов Государственного совета и даже Победоносцева.

В свою очередь, чиновникам (не только из МВД) было проще иметь дело с существовавшим крестьянским самоуправлением (которое ругали абсолютно все), чем выстраивать новые административные, финансовые и правовые институты. Опыт 1860–1880-х годов в этом смысле был довольно однообразен: любые юридические, фискальные и управленческие новации в деревне годами обсуждались различными ведомственными и межведомственными совещаниями и комиссиями, согласовывались, исправлялись, вновь согласовывались, но (даже если доходило до принятия закона) почти ничего не меняли. Для серьёзных реформ не было ни средств, ни политической воли, и власть ограничивалась «подкручиванием» существующих «гаек». Если аграрные «контрреформы» 1880–1890-х годов и были прагматичной реакцией на реальность, то это был прагматизм бессилия.

Но если в 1860–1870-е годы это бессилие представлялось лишь симптомом сложного перехода от крепостного права к туманному будущему — когда кре-

стьяне каким-то образом должны «со-зреть» для превращения в полноправных граждан, — то при Александре III оно получило мощную идеологическую поддержку. Оказалось, что гражданское неполноправие крестьян было вовсе не временным злом, а непреходящей ценностью — на защиту которой от посягательств «ростовщиков», «кулаков» и прочих «кровопийц» следовало обратиться всю мощь государственной власти. Мощи в наличии, правда, не оказалось, но само намерение говорило о многом.

Вместе с тем возлагать на императора и его министров основную ответственность за подобный идеологический поворот было бы некорректно. Дело в том, что в общественном сознании этот поворот начался гораздо раньше и был вызван господствовавшими в среде элиты стереотипами восприятия крестьян.

По крайней мере, с середины 1870-х в печати всё громче зазвучали голоса тех, кто требовал обратить внимание на «нужды и бедствия» крестьян. К концу десятилетия эти голоса слились в подобие дружного хора, причём музыка, которую он исполнял, вовсе не была полифоничной. Обеднение крестьян нужно остановить, говорили и правые, и левые (в том, что крестьяне беднеют, в отличие от некоторых современных историков, не сомневался тогда почти никто). Но как? Ответ зависел от диагноза. Последний же при всём богатстве оттенков сводился к тому, что институты, созданные в 1861 году, не обеспечивают крестьянскому сословию стабильного оседлого существования и возможности жить и выполнять свои фискальные и прочие обязанности за счёт земледельческого труда.

В сущности, никогда ещё перед отнесенностью слабым и бедным государством Российским, вовсе не настроенным в пользу социальных утопий, не ставилось столь невыполнимых задач! Поскольку к централизованному перераспределению средств в пользу малоимущих с помощью налогов и социальных программ (как это происходит в наши дни) тогда были совершенно не готовы, оставалось обращаться к патриархальной утопии. Ядром её стало представление о том, что крестьянские общинные порядки уже содержат в се-

бе пусть и не идеальный, но надёжный и проверенный веками механизм социального выравнивания. Достаточно поэтому оградить их от действия рыночных механизмов и поставить под надёжный контроль со стороны элиты.

Консерваторам-дворянам такой контроль виделся в образе «близкой к крестьянам и скорой власти», олицетворением которой выступал некий сублимированный идеальный помещик. Во многих дворянских проектах 1880-х он назывался «земским судьёй» и напоминал мировых посредников 1860-х годов⁷. Либералы и умеренные народники рассчитывали на культуртрегерскую роль земского «третьего элемента»: агрономов, статистиков, учителей.

Профессиональным же бюрократам из МВД, разумеется, больше импонировала фигура встроенного в вертикаль местной власти чиновника (пусть даже по выбору, ведь выбирался же когда-то земский исправник). Априорно обвинять их на этом основании едва ли стоит: в административном смысле российская деревня всегда была «недоуправляемой», а после упразднения в 1874 году мировых посредников из неё исчезла даже видимость правительственного контроля. «Крестьянскими» делами после этого года специально занимался только непрременный член уездного присутствия по крестьянским делам — один человек на целый уезд! Такое «безвластие» благополучно просуществовало вплоть до 1890 года (когда на местах появились земские начальники), так что наши представления о мрачной эпохе реакции вряд ли стоит распространять за пределы городов.

Но все эти различия в подходах к формам контроля за общинами нивелировались полным единством в понимании его главной цели: «уберечь» крестьян и от пришлых «хищников», и от них самих. При этом объектом «охранения» не всегда была община: она слишком часто признавалась неэффективной и коррумпированной. Некоторые представители встревоженной элиты (например, министр двора И. И. Воронцов-Дашков, в обществе — влиятельный публицист К. Ф. Головин⁸) даже настаивали, что нужно искать новые способы заставить крестьян оставаться крестья-

нами. В какой-то момент популярной стала идея неделимых и неотчуждаемых семейных участков, которые должны были стать скорее альтернативой частной собственности на наделенные земли.

На этом фоне принятый в 1893 году после длительных дискуссий закон о неотчуждаемости наделенных крестьянских земель выглядел вовсе не радикальной контрреформой, а скорее оформлением существовавшего в «верхах» и в обществе консенсуса. Закон отменял статьи 165 и 169 Положения о выкупе 1861 года, которые давали крестьянам право досрочно выплачивать выкупные платежи и консолидировать чересполосные наделы «к одному месту».

Вся абсурдность и самого закона, и алармизма по поводу обезземеливания крестьянства становится очевидной, если принять во внимание, что, по данным самого МВД, за период с 1870 по 1890 год из общего крестьянского наделенного фонда в 96 млн десятин было выкуплено лишь около 1.2 млн десятин, а отчуждено в посторонние руки (за пределы общины) — не более 225 тысяч⁹. Это означало, что «раскрестьянивание» если и идёт, то совсем не теми путями, которых так боялись правительство и общество. Ещё важнее другое: эти цифры показывают, что если крестьяне беднели, то вовсе не из-за утраты наделов, а скорее из-за невозможности ими распорядиться. Удивительно, но сила стереотипов и инерция были так велики, что МВД просто отказалось принимать эти данные во внимание.

Понятно, что земские начальники при всём желании не смогли бы ни подтолкнуть те глубокие процессы социальных перемен, которые стартовали в 1861 году, ни воспрепятствовать им. Для этого у них не было не только полномочий, но и элементарной оптики, которая позволила бы увидеть сами эти процессы. Впрочем, такой оптики не оказалось и у российской элиты в целом. Что же касается самих крестьян, то несмотря на настоящий взрыв интереса к их жизни и на бурный расцвет в 1880–1890-е годы специфического жанра научно-публицистической литературы по «крестьянскому вопросу», их мнением по поводу собственного будущего мало кто интересовался¹⁰.

Примечания

1. Статья подготовлена в рамках проекта «Трансформация элит и институциональная среда в России Нового времени: источники изучения, междисциплинарные подходы, компаративный контекст» в рамках программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2014 г.

2. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания.

Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб. 2003. С. 313–314.

3. Там же. Кн. 2. С. 530.

4. Gaudin C. Ruling Peasants. Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb. 2007.

5. См.: Христофоров И. А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после

отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М. 2011. С. 292–349.

6. Первая революция в России: взгляд через столетие. М. 2005. С. 412.

7. См.: Административные реформы в России: история и современность.

М. 2006. С. 177–258.

8. Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении общины и возражения на неё министра

внутренних дел И. Н. Дурново. Genève. 1894; Головин К. Ф. Сельская община в литературе и в действительности. СПб. 1887.

9. РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7774. Л. 317–318.

10. См.: Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России. М. 2006.